

ДИСКУССИЯ

УДК 821.161.1
ГРНТИ 17.82.09
DOI 10.35231/25419803_2022_2_127

В. А. Гавриков

"Рецепт" написания современного премиального романа

В статье автор полемизирует по поводу состояния современной отечественной прозы, которая находится в активном поиске.

Основной тренд современной прозы таков: в области творческого метода – это неомодернизм, мистический реализм; в области сюжета – писатели стремятся разогнать сюжет, дать ему занимательность и упругость; в области персонажей – фрик, шут, псих, скупающий эгоист; в лучшем случае, безобидный чудик – вот персонажи нашего времени. Основной жанр современной прозы – роман-разочарование.

Ключевые слова: современная отечественная литература, творческий метод, роман, персонаж, сюжет.

Vitaly A. Gavrikov

"The Recipe" for Writing a Modern Premium Novel

In the article, the author argues about the state of modern Russian prose, which is in active search. The main trend of modern prose is as follows: in the field of creative method, it is neo-modernism, mystical realism; in the area of plot – writers strive to disperse the plot, give it entertaining and elasticity; in the field of characters – a freak, a jester, a psycho, a bored egoist; at best, a harmless freak – these are the characters of our time. The main genre of modern prose is the disappointment novel.

Key words: modern domestic literature, creative method, novel, character, plot.

Каким должно быть литературное произведение, чтобы его издавали и читали наши современники? Что нравится литературным критикам и жюри ведущих российских литературных премий? По какому шаблону делаются сегодня русские премиальные романы? И есть ли обязательные ингредиенты успеха?

Погрузившись в русский роман конца прошлого – начала этого веков, я постепенно определил для себя некие общие черты, которые присущи подавляющему большинству современных русских романов, в первую очередь – премиальных текстов. Куда деваться: в основном приходится ориентироваться на авторов, входящих в шорт-листы крупнейших премий. Потому что расширять это пространство непросто. И вот почему.

Если мы возьмем самые авторитетные российские премии за последние 20 лет, всего 3-5 премий, то окажется, что их лауреатами становились более ста писателей. Представьте себе: прочесть даже по одному роману у каждого из премиальных авторов – это будет уже сто крупных произведений. Некоторые – объемом в тысячу страниц.

Конечно, я иногда занырываю за пределы этого круга избранных, но, увы, тут нет никого навигатора: пишущих людей в России – многие и многие тысячи. Всё это освоить просто физически невозможно.

Итак, каков же он – современный русский премиальный роман? Начну с того, что мне искренне нравится в современной русской прозе. А нравится мне попытка дать необычный текст, сделать нечто такое, чего до сего дня не делалось. Это не значит, что нет отличных традиционалистских романов – в стиле реализма (или, как это еще называют, «неореализма»). Это значит только то, что наша проза – в активном поиске. Хотя большинство топовых авторов всё-таки живут в едином русле, имя которому – неомодернизм. Постмодернизм если он и есть, дается в виде некоторых элементов. То есть неомодернизм, мистический реализм – это тренд.

У многих прозаиков – узнаваемый почерк, они могут делать вещи в разной стилистике, но их творческая индивидуальность очевидна, и это хорошо. При этом, читая современную, преимущественно толстожурнальную, поэзию, я часто ловлю себя на мысли, что имею дело с творениями какого-то одного автора. Этот странный тип прячется под бесчисленным числом масок, но под каждой из них пишет всё то же самое. То есть голова с образами, идеями, стилем – одна, а рук – сотни. Такая вот – «езда в незнаемое».

А в прозе ощущения одноголовости нет. Правда, некоторые мои коллеги считают, что у нас наоборот сегодня невиданный расцвет поэзии, но я с ними не согласен. А вот проза, по-моему, всё-таки скорее жива, чем наоборот.

Однако вернёмся к современному роману и начнем его «препарирование» с сюжета. Скорость развития действия сегодня разная. Есть люди, тяготеющие к классике, к старой доброй русской прозе, наши современные «почвенники». Они, как правило, никуда не спешат. Кого-то такая неспешность раздражает, кого-то завораживает. Это чтение для долгих зимних вечеров, в

уютном кресле с мягким светом неяркой лампы и чашкой небыстрого чая. Увы, сегодня мало кто может себе позволить такие долгие зимние вечера. Наверное, самый медленный роман, из тех, что я в последнее время прочел, «Планета грибов» Елены Чижовой...

Однако основной тренд иной: писатели стремятся разогнать сюжет, дать ему занимательность и упругость. Иногда, кстати, критики и высказывают недовольство таким «галопом по Европам»: дескать, слишком всё пунктирно. Но что делать: жизнь убыстряет ход. Даже Толстой, входя в новую эпоху, говорил о своей эпопее «Война и мир», что это, мол, «ерунда многословная». Чувствовал классик, что «с каждым днём времена меняются».

В любом случае, быстрые романы, чаще всего, обеспечивают занимательность, держат интригу, заставляют двигаться дальше и дальше по сюжетной тропе. В принципе, и книжный рынок играет свою роль: надо писать так, чтобы захватывало. И тут трудно спорить с Борхесом, который указывал, что чуть ли не главное свойство книги – занимательность. И что нудный Джойс, несмотря на весь его глубокий интеллектуализм, остаётся нудным.

А вот что говорит о темпе современного сюжета писатель Пётр Алешковский (интервью для портала gaga-gaga.ru): «Сегодня мне не хватает в прозе неспешности, стиля, если хотите, красоты и музыкальности, углубленного знания родного языка. Когда же в прозе молодых появляются уместные слова из нового языка компьютерной эры, я ловлю кайф, хотя это и не мой язык. ... Новая проза зачастую лишена наблюдательности, писатели не «учат матчасть», как говаривал свирепый старшина, – слова или выпренные, или излишне простые, и, конечно, обилие прилагательных и уменьшительных суффиксов» [1].

Теперь, соответственно, переходим к стилю, которого Алешковский тоже коснулся. Владимир Маяковский некогда требовал «больше поэтов хороших и разных». Насчет хороших современных прозаиков не скажу точно, тут все точки над *i* расставит история, а вот то, что много разных, – это бесспорно. Например, никогда не спутаешь легкое перо Евгения Водолазкина с вычурностью Иличевского, или фантазмагоричностью Буйды, или спокойным и обстоятельным реализмом Варламова, или «псевдопримитивизмом» Рубена Гальего.

Тематика. Тут шаблон примерно такой: текст должен говорить о той или иной странности – писать о нормальности, о нормальных людях, нормальных отношениях скучно и несовременно. У Прилепина есть роман «Патологии», мне кажется, что наша литературная эпоха, демократическое тридцатилетие

(1991–2021) может быть названа эпохой литературных девиаций. Собственно, весь XX век мировая литература искала способы, как бы это так поинтереснее вывернуться, чем бы ещё шокировать публику?

Причем, складывается впечатление, что именно в конце восьмидесятых – девяностых в нашей стране эта тенденция получила наибольший масштаб. Понятно, почему прорвало эту плотину: умер соцреализм как насаждаемая государством норма, и писатели, задыхавшиеся в его суровых и скучных рамках, пустились во все тяжкие.

Я отнюдь не против того, что считалось соцреализмом, ибо это явление было весьма неоднородным. Например, в последние два года я открыл для себя замечательных Лидию Сейфуллину и Павла Нилина. Да, там есть обязательные «Ленин – партия – народ», но идеология не подавляет художественности. Хотя, конечно, если брать подряд советский реализм – умрешь со скуки. Не могу здесь не процитировать Твардовского:

Она и он – передовые,
Мотор, запущенный впервые,
Парторг, буран, прорыв, аврал,
Министр в цехах и общий бал...
И всё похоже, всё подобно
Тому, что есть или может быть,
А в целом – вот как несъедобно,
Что в голос хочется завывать [3].

От этого наша литература избавилась. Но, по-моему, шарахнулась в другую крайность. То есть в 1991 году, а на деле немного раньше, русская литература всем корпусом развернулась на Запад, туда, где уже затухал постмодернизм. А нам так хотелось не отставать от уехавшего поезда! И, мне кажется, тот шаблон современного русского романа, о котором я говорю, во многом есть продукт этого резкого разворота. Кстати, я не против и постмодернизма. Первыми значимыми русскими постмодернистами обычно называют Андрея Битова с его «Пушкинским домом», Венедикта Ерофеева с его поэмой «Москва – Петушки», Сашу Соколова с его «Школой для дураков». Все три книги, по-моему, замечательны.

Постмодернизм как, условно говоря, литературный метод хорош тем, что экспериментирует, постоянно ищет новые формы самовыражения, старается не бронзоветь, не терпит догмы – что с точки зрения формальной очень хорошо. Однако постмодернизм настолько всё раскрутил, что многим хочется назад свинтить эту «модель для сборки», найти в мире хоть какие-то

твёрдые основания, хоть какую-то почву под ногами, а не витать в бесконечных «чапаевских пустотах».

Далее о персонажах. Фрик, шут, псих, скучающий эгоист; в лучшем случае, безобидный чудик – вот персонажи нашего времени. Героями я их не называю, потому что они, как правило, нарочито антигероичны. Вот даже брутальный Прилепин в своей «Обители» кого вывел на главную роль? Героя зовут Артем, и он – не рыба не мясо, блёклый человечек, щепка, носимая стихией истории. Да, там есть, конечно, яркий Эйхманис, может, быть Артём для контраста дан, и всё же Артём – главный...

В некоторых современных романах нет ни одного положительного персонажа! Можно возразить, ну а как же Гоголь с его «Мёртвыми душами». Да, тенденция не сегодняшняя, но сегодня она всё-таки стала чуть ли не мейнстримом. То бишь трендом. Конечно, не всегда это такие активные ублюдки, нередко просто умеренно гаденькие типчики. Да и шекспировских злодеев в нынешней русской прозе редко встретишь. Как правило, всё серо, размыто, мелко.

Мне иногда даже кажется, что стыдно современному писателю говорить о чём-то пафосном – о хорошем человеке, например; о любви в ее пушкинском или тургеневском изводе, о подвиге (звучит-то как нехайпово!). Короче, можно нарваться на обвинения в ретроградстве, проклянут соцреалистом. Увы, соцреализм со своими тотальными императивами, похоже, выбил всякое желание у пишущей братии соприкоснуться с пафосным.

Соответственное героям и настроение. В лучшем случае это «аквариумный эскапизм» – побег от мира и от себя, мол, пустите меня обратно в мою скорлупу. В худшем – говорится о «полной гибели всерьёз»: гибели, и душевной, и духовной, и физической – как правило, без катарсиса в конце.

Я бы назвал основным жанром сегодня – роман-разочарование. Разочарование во всём: в себе, в политике, в обществе, в религии, в писателях, в культуре, в семье, в любви, в истории, в укладе, в перспективах на будущее. Если даже эта установка и не дается категорично, в лоб, то всё равно большинство романов – это «История болезни». Прямо как у Высоцкого:

Живет больное всё быстрее,
все злей и бесполезней,
и наслаждается своей
историей болезни [2].

Пожалуй, это лучшая характеристика того, что я вижу в современной русской прозе. Но, насколько я понимаю, и на Западе сегодня роман о травме – это тренд.

Выше я бегло описал основное блюдо, теперь переходим к приправам. Первая приправа – это откровенность и даже цинизм. Если роман стыдлив – то это плохо. Постельная сцена обязательна, хотя бы одна. И хорошо, когда с глубоким погружением.

Вторая приправа – физиологичность. Физиологичность болезни, физиологичность травмы, физиологичность трупа, физиологичность некоторых естественных отправления. Отдельные романы я для себя называю «коктейльными», потому на их страницы проливаются все или почти все жидкости, которые может исторгнуть человеческое тело. Однако шокирующая телесность должна появиться в эпизоде, то есть как приправа, а не как основное блюдо. Тут главное – сохранить баланс: мёда и ложки дёгтя.

Третья приправа – мат. Даже вон деликатный Водолазкин в своем «Лавре» разок такое загибает... В конце 2021 года я был на одной крупной книжной ярмарке. И у стенда монополиста решил выбрать себе какую-нибудь новинку. По какому же принципу мне ее выбрать? Я подумал и решил, что это будет известный мне писатель, о котором я слышал в основном хвалебные отзывы, но пока ещё не читал. Однако таких авторов оказалось слишком много для моего кошелька. Поэтому вторым условием я выбрал – отсутствие мата, благо, сегодня на обложках это пишут. Каким же было мое удивление, когда я не смог найти в огромном развале современной русской прозы ни одного романа без мата! Промучившись минут двадцать, ушел к конкурентам – купил у Лимбуса роман Садулаева «Готские письма». Хотя и там, как оказалось, есть выраженьица «на грани»...

Четвертая приправа – юмор. Гоготать в современной литературе не принято – это не комильфо. Должны быть ёрнические, иногда даже гадливые перемигивания, ну, мол, видишь, как оно. Хе-хе. Мол, смотрите как всё плохо и давайте над этим поусмехаемся.

Пятый ингредиент: мистическое вкрапление. Пусть даже мелкое, но какое-то необъяснимое явление должно быть. Надо подкинуть таинственности. Чудесная вещь, чудесное событие, чудесный герой, который где-то там мелькнёт... Кстати, нередко эта приправа подается с руки шамана, ведуна, гадалки, шептуна, ворожей и прочих магов и колдунов, которые почему-то сегодня то и дело норовят влезть в реалистическое или псевдореалистическое повествование.

Ну и шестой ингредиент – хлесткая фраза. Мне кажется, по части такой мы заметно перегнали нашу классическую царскую прозу, которая была куда сдержаннее. Я, например, люблю красивый оборот, острое сравнение, неожиданную метафору, сочный эпитет, которые делают текст более живым. И современный премиальный роман не может быть свободен от этих вкусных образных фраз.

Итак, невидимая рука – уж не знаю, может быть, это рука рынка – невидимо держит наших признанных, премиальных писателей за горло. Не верите? Возьмите с десятков прославленных современных романов, самых топовых и кассовых – и проверьте по моей методике. Больше половины, а то и все до одного, «ингредиенты» вы там найдете.

Мне почему-то это напоминает обязательные цитаты из Маркса – Энгельса – Ленина практически в любом советском научном тексте. Недавно мне попался в руки советский учебник по гинекологии и открывался он – естественно – ленинской цитатой! Конечно, выдающийся был гинеколог... Другой вопрос – как выскочить из шаблонов? Как сделать что-то действительно оригинальное? Оставляю этот вопрос без ответа.

Понятно, что всё выше сказанное – не догма. Наверняка я каких-то важных вещей не заметил. Это скорее попытка начать думать в «эту сторону», то есть повод к началу полемики.

Список литературы

1. Алешковский П. Бороться только с собой // Rara Avis. Открытая критика. [Электронный ресурс]. URL: https://rara-rara.ru/menu-texts/petr_aleshkovskij_borotsya_tolko_s_soboj (дата обращения: 01.06.2022).
2. Высоккий В. История болезни. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.live-lib.ru/quote/42503085-ya-ne-lyublyu-vladimir-vysotskij> (дата обращения: 01.06.2022).
3. Твардовский А. Т. За далью – даль. М.: Советский писатель, 1961. [Электронный ресурс]. URL: <https://poesy.site/poems/902-za-dalyu-dal.html> (дата обращения: 01.06.2022).

References

1. Aleshkovskij, P. *Borot'sya tol'ko s soboj* [Fight only with yourself] *Rara Avis. Otkrytaya Kritika* [Rara Avis. Open criticism]. [Elektronnyj resurs]. URL: https://rara-rara.ru/menu-texts/petr_aleshkovskij_borotsya_tolko_s_soboj (data obrashcheniya: 01.06.2022). (In Russian).
2. Vysockij, V. *Istoriya bolezni* [Case history]. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.livelib.ru/quote/42503085-ya-ne-lyublyu-vladimir-vysotskij> (data obrashcheniya: 01.06.2022). (In Russian).
3. Tvardovskij, A. T. *Za dal'yu – dal'* [Beyond the distance – distance]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ., 1961. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://poesy.site/poems/902-za-dalyu-dal.html> (data obrashcheniya: 01.06.2022). (In Russian).